

БИБЛИЯ 2.0

ДЕФОРМАЦИЯ РЕАЛЬНОСТИ

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ НАШЕЙ
СОЦИАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

Крабат Агте

**БИБЛИЯ 2.0: ДЕФОРМАЦИЯ
РЕАЛЬНОСТИ**

«Автор»

2026

Агте К.

**БИБЛИЯ 2.0: ДЕФОРМАЦИЯ РЕАЛЬНОСТИ / К. Агте —
«Автор», 2026**

Одна из самых серьёзных фундаментальных проблем преследующая человечество всю его историю, — это инертность социального мышления. Человеку всегда проще действовать по знакомым его уму шаблонам и не изобретать ничего нового, особенно когда в жизни всё давно организовалось и устоялось. Отдавать предпочтение проверенному и привычному — естественный алгоритм человеческого поведения. Проблемы же здесь начинаются тогда, когда вопреки нашим ожиданиям и убеждениям этот алгоритм начинает вести общество не к стабильности, любви, созиданию, а наоборот — в бездну ненависти и деградации. Данный материал если и не выводит человека из состояния инерции, то хотя бы помогает ощутить на себе силу её течения. Помогает очиститься от информационного шума и здраво оценить вектор развития происходящих в сегодняшнем мире процессов. Работа нацелена на деконструкцию привычной картины мира и приглашает читателя увидеть, насколько сильно наша реальность может быть деформирована информационными фильтрами системы.

© Агте К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ГЛАВА 1: БЫТ И ОБРАЗОВАНИЕ	7
ГЛАВА 2: СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕКОРАЦИИ	12
ГЛАВА 3: ОШИБКИ	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Крабат Агте

БИБЛИЯ 2.0: ДЕФОРМАЦИЯ РЕАЛЬНОСТИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Во многих мудрости много печали;
и кто умножает познания, умножает скорбь.*

Человек редко сомневается в том, что делает.

Это его проклятие.

Ребёнок, выбегающий на проезжую часть за мячом; подросток, начинающий курить сигареты; вчерашний работяга, идущий в казино приумножить кредитные деньги; водитель, садящийся вдрызг пьяным за руль; чиновник, распиливающий вверенный ему бюджет. Но если ребёнка ещё можно успеть поймать за руку, а к подростку постараться подобрать нужные слова, то в остальных случаях всё обещает оказаться куда сложнее. Это уже потом, оглядываясь назад и имея возможность проанализировать весь комплекс фактически сложившихся причинно-следственных связей, нам проще признать, что ошибки действительно были. А вот многие ли из нас умеют грамотно думать наперёд?

Ребёнок, выбегающий на проезжую часть за мячом, рискует пострадать от нехватки опыта и знаний. Его мозг ещё не оперирует достаточным количеством информации, а каждый успешно поднятый предмет лишь укрепляет уверенность в безопасности подобных действий. Это называется проблемой индукции, и столкнуться с ней может абсолютно любой. Так чем же в таком контексте ребёнок отличается от взрослого человека? Пожалуй, примерно тем же, чем распили бюджетных средств отличается от детского желания забрать себе все конфеты. Если приглядеться, то не так уж и сильно наше мышление меняется с возрастом. Песочница, возможно, и другая, но дети в ней продолжают играть всё те же.

Каждому из нас хочется верить в скорое наступление светлого будущего, но вот как много мы для наступления такого будущего делаем? Если посмотреть на сегодняшний день честно и без прикрас, то легко может сложиться впечатление, что мы уже давно движемся куда-то не туда. Социальные проблемы с каждым годом только накапливаются. Не создаём ли мы уже сейчас себе больше трудностей, чем успеваем решать?

Экологическая катастрофа очень скоро станет необратима: сколько галлонов нефти было пролито в море? Сколько ядерных взрывов прогремело на испытательных полигонах по всему миру? Сколько пластика было произведено за последние пятьдесят лет? Сколько понимания в наших умах относительно того, что мы делаем? Эти вопросы стоило задать ещё вчера, а сегодня не лишним будет поинтересоваться, за что нам всем предстоит отвечать уже завтра? Насколько приемлема генетическая модификация человека? Не скопирует ли ИИ (создаваемый по нашему образу и подобию) модель наших же социальных заблуждений? Если ИИ станет более автономным (AGI), как защитить человечество от его потенциального злоупотребле-

ния, будь то хакерские атаки, военные применения или манипуляции общественным мнением? Сможет ли человечество создать эффективные международные институты для решения глобальных проблем, или национальные интересы продолжат доминировать, провоцируя конфликты? Мировой социум категорически не готов решать вопросы подобного характера, а они, тем временем, буквально стоят на пороге:

Два генетически модифицированных ребёнка уже живут среди нас, а технологии развиваются с такой скоростью, что становится пугающе неизвестно, каким будет мир в ближайшие годы. Нельзя также оставить без внимания и вероятность того, что нерешённые вопросы расового, гендерного и социального неравенства успеют расцвести ещё ярче, что дополнительно усилит разрозненность на почве ненависти и ксенофобии. Продолжая проявлять пассивность в столь, без доли преувеличения, судьбоносных вопросах, мы в скором времени рискуем захлебнуться от количества потенциально нерешаемых проблем. И всё это лишь верхушка айсберга, на который идёт наш «Титаник».

Когда люди не думают о благополучии общества, в котором живут, то может ли такое общество быть благополучным? Если человечество не готово уделять свое внимание неизбежным проблемам, то сколько на своём пути оно соберёт гипотетических? Поколения меняются, история повторяется, надежды на светлое будущее не умирают никогда. А никогда не умирающие надежды могут быть разбиты бесконечное число раз.

Задача данной работы заключается не столько в создании чего-то принципиально нового, сколько в деконструкции и объединении уже существующего. Если исходить из мысли, что об одном и том же можно говорить бесконечным множеством способов, то я не вижу особого смысла изобретать ещё один дополнительный. Но связать между собой уже существующие информационные потоки на междисциплинарном уровне – для меня это видится более интересной задачей. Здесь и сейчас я отталкиваюсь от стремления обрисовать общую картину. Показать деструктивное начало системы, ошибки, которые она сеет в массы, и тем самым отравляет общество.

Борьба за душу и свободу человечества ведётся настолько же долго, сколько существует само человечество, и мне хотелось бы внести свой вклад в этот процесс. Я отдаю себе отчёт, что далеко не каждому читателю может понравиться пессимистичный тон и депрессивная атмосфера моего повествования, но положение, в котором находится наш мир, действительно может быть крайне критично, но не безнадежно. Попробуем же распутать гордиев узел насущных социальных проблем и конфликтов. Делать же мы это начнём последовательно: от простого к сложному.

ГЛАВА 1: БЫТ И ОБРАЗОВАНИЕ

Для начала озвучим очевидные вещи. Обозначим фундамент нашей социальной организации:

Двадцать пять – примерный возраст наступления личностной зрелости. Обычно к этому времени у многих людей уже складывается устойчивый круг интересов и приоритетов, начинается наиболее активный период самореализации в профессиональной или творческой среде. Из-за серьёзной нехватки свободного времени предпочтение в развитии обычно падает на проффильную сферу: «финансовая независимость» и «социальная стабильность», – звучит привлекательнее, чем «развитый творческий потенциал». Где-то отсюда и берёт начало рутинный мир бытового однообразия. Личностный рост замещается ростом карьерным. Но узкоспециализированная рабочая деятельность даёт, разве что, иллюзию прогресса – ежедневное решение одних и тех же рабочих задач нового опыта почти не приносит, но зато способно щедро добавлять серости и угрюмости в каждый новый прожитый день.

Подавляющее большинство вынуждено тратить своё время на службу системе. Работа постепенно становится важнее жизни, а то и вовсе подменяет её. Завтра практически ничем не будет отличаться от сегодня, как сегодня почти ничем не отличалось от вчера: стой час в общественном транспорте, девять часов просиди в офисном кресле, чтобы провести ещё один час в общественном транспорте. Повторить на следующий день. И на следующий. И на следующий. И на следующий...

«Здесь приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же месте».

Человечество уже давно живёт в весьма противоестественных для своей природы обстоятельствах. Да, мы к такому привыкли, но наша психика на насущные нагрузки не рассчитана. Существует огромное количество стрессовых ситуаций возникающих буквально на ровном месте: проспали на работу? Срочные правки по проекту? Горят дедлайны? Вызывают из отпуска? Попался клиент с плохим настроением или дурным характером? Жмут кредиты? Всё перечисленное (как и многое другое) вызывает совершенно неоправданные для нашей естественной природы нагрузки на психику.

Депрессию называют эпидемией XXI века, а психолог – одна из самых востребованных профессий, и такой спрос сформирован отнюдь не от здоровой жизни. Мы существуем в когнитивно перегруженной среде, что одновременно является и причиной, и следствием permanently нарастающего социального напряжения (социальная среда нагнетает когнитивное напряжение – когнитивное напряжение усугубляет социальную среду).

Простое человеческое желание проводить на работе менее половины своей сознательной жизни, и при этом обеспечивать себе комфортные условия далеко не всегда считается реалистичным. Жизнь среднестатистического человека подчинена строгим нормам, вокруг которых выстраивается вся социальная организация. Цель этих норм – упорядочить ежедневный быт и свести систему к более-менее общему знаменателю. Но что делать, если получившийся результат начинает вредить целостности системы? Можно, конечно, начать убеждать самого себя, что целостность не нарушена, всё в порядке и это – просто естественный ход вещей, с которым бессмысленно бороться, но не будет ли такой подход граничить с самодурством?

Декларируемые общественные ценности (такие как свобода, семья, ментальное благополучие) сталкиваются с реальностью, где структура экономики, рынок, трудовые нормы диктуют иные приоритеты. Да, трудовой кодекс защищает права работников, но одновременно с этим консервирует зависимость от среды, где стресс и переработки постепенно превращаются в норму. Обществу изначально не следовало загонять себя в такие условия, но нас никто ни о чём не спрашивал. Мы просто родились в мире, где такой режим уже был данностью, и нас не учили его реформировать, улучшать, совершенствовать. Нас учили принимать его как данность причём с самого детства.

Первый опыт в раннем возрасте – это основа для всех последующих информационных конструкций, и особенно это касается процесса социализации. Как именно современная школа, являясь образовательным институтом, помогает в этом процессе?

Она едва ли осмысленно этим занимается. Да, формально школа в процессе социализации участвует, но часто делает это лишь механически, без учёта личностных и эмоциональных потребностей учащихся. В некотором смысле данный подход можно назвать «неконтролируемой социализацией», что далеко не всегда ведёт развитие ребёнка в позитивную сторону.

Любовь, гнев, обида, зависть, соперничество – это не самые простые чувства даже для взрослых, а сталкиваться с их влиянием подрастающему поколению приходится достаточно рано при том в достаточно большом коллективе. Закладывать первый фундамент настолько сложных и ещё непонятных юному возрасту чувств ребёнку приходится самостоятельно, ориентируясь буквально на ощупь. И вместо того чтобы помочь ребёнку разобраться в особенностях мировосприятия, осмыслить свои переживания, дать язык для их описания и инструменты для регуляции, мы перегружаем его «пресными» знаниями – фактами, формулами, датами, – так и оставляя без ответов на самые острые и важные вопросы.

Подрастут – поймут.

Не удивительно, что в таких условиях ребёнок может начать закрываться от внешнего мира, справедливо считая себя непонятым. Переходный возраст – это не просто причуда природы, а сложный этап социальной адаптации, сопровождающийся колоссальной психологической нагрузкой в условиях созданной нами проблемной социальной среды. Другими словами, это ломающий нас и принудительно подстраивающий под систему кризис. Старшее поколение зачастую оставляет детей один на один справляться со «звериными законами подрастающей стаи», вмешиваясь в происходящие события лишь тогда, когда гром грянет. Не пытайтесь проникнуться детскими проблемами, родители теряют авторитет, доверие, расположение. Учителей дети находят среди своего окружения, среди тех, кто способен разделить с ними актуальные для пубертатного периода проблемы. Живя в системе, социализируясь в системе и общаясь только с представителями системы, ребёнок едва ли может научиться думать иначе, кроме как в контекстах проблемной системы.

Существующая система школьного образования не только неэффективна, но во многих аспектах может быть даже вредна. Активно формирующийся организм заставляют находиться по 5 – 6 часов в день, 5 – 6 дней в неделю, во враждебной, когнитивно напряжённой, раздражающей психику обстановке. Можно ли назвать такой подход к образованию оптимальным?

«И сотворили школу так, как повелел им дьявол. Ребенок любит природу, поэтому его замкнули в четырех стенах. Он не может сидеть без движения – его принудили к неподвижно-

сти. Он любит работать руками, а его стали обучать теориям и идеям. Он любит говорить – ему приказали молчать. Он стремится понять – ему велели учить наизусть. Он хотел бы сам искать знания – ему их дают в готовом виде. И тогда дети научились тому, чему никогда бы не научились в других условиях. Они научились лгать и притворяться. Дети отбились от рук. Они бегут из дома, ищут приключений. Они становятся практичны, самоуверенны и упорны без помощи школы и даже вопреки ей. И разрушилась Школа, которая была сотворена по наущению дьявола».

– Адольф Ферьер «Преобразуем школу»

Современные школы попросту перегружают психику, и уже оставаясь вне наблюдения взрослых, дети начинают отыгрываться друг на друге, борясь таким образом со стрессом. Мы все так выросли. Нас всех так воспитали. Мы не видим других альтернатив и едва ли над ними думаем. Школьное образование ущербно, в первую очередь, из-за того, что заставляет всех детей мыслить одинаково. Живость мышления, гибкость ума, яркость фантазии – это как раз те самые качества, которые школа никак в детях не развивает. Скорее, наоборот – она их подавляет. Все поставленные учебным процессом задачи можно решить лишь одним, единственно верным способом – тем, которым научила и разрешила система школьного образования.

Ответ верен, но ход решения отличен от учебника? Минус балл.

Написано ручкой не того цвета? Минус балл.

Допустил несколько незначительных помарок? При прочих равных ожидаемая оценка системы: 3– (из 5)

В действительности никому не нужны правильные ответы. Ни учителю, ни ученику, ни родителям. Школы не учат быть успешными и не развивают таланты, они учат всех детей мыслить однообразно, быть стандартными, такими, как все, а так же, что лишний раз лучше промолчать. Ни одно государственное учреждение не приветствует инициатив и не поощряет свободомыслие. Система не любит бунтарей. Система любит, когда все молча идут в заданном направлении. А куда именно ведёт это направление, мало кто задумывается.

Это то, что можно назвать как «рациональность, лишённая разума» – тип мышления, который в процессе решения задач даже не задаётся вопросом «а стоит ли их вообще решать?». Такой подход напоминает борьбу с гидрой: отрубая одну голову, мы считаем это разумным действием, но не замечаем, как на её месте вырастают две другие. Воспринимая их как новые угрозы, мы снова и снова применяем ту же «проверенную временем» стратегию, вместо того чтобы пересмотреть саму логику поведения.

Сегодняшняя школьная образовательная модель – это тело гидры вскормленное выученной беспомощностью.

Выученная беспомощность – феномен был впервые описан американскими психологами Мартином Селигманом и Стивеном Майером в результате серии экспериментов с собаками, проведённых в 1964 году в психологической лаборатории Пенсильванского университета.

Эксперименты основывались на схеме классического обусловливания Павлова. Исследователи стремились выработать у собак условный рефлекс страха на звук высокого тона. В качестве отрицательного подкрепления использовались электрические разряды, которые

следовали за подачей звукового сигнала. Собаки находились в закрытых клетках и не могли избежать воздействия тока.

После нескольких повторений клетки открывали, чтобы проверить, будут ли собаки пытаться избежать неприятного воздействия при следующем звуке. Ожидалось, что, усвоив связь между сигналом и болевым раздражителем, животные попытаются убежать. Однако, вместо этого они ложились на пол и скулили, не предпринимая попыток к бегству, даже несмотря на открытую дверь. Поведение собак свидетельствовало о том, что они предчувствовали удар, но больше не верили в возможность его избежать.

На основании этих наблюдений Селигман выдвинул гипотезу, что животные не пытались спастись не из-за отсутствия страха, а потому, что усвоили: любые действия бесполезны. Повторяющиеся неудачи при попытках избежать боли привели к формированию устойчивого ощущения бессилия – состояния, которое он назвал выученной беспомощностью.

Позднее Майер, переключившийся на нейрофизиологические исследования, продолжил изучение этого феномена. Анализируя активность различных структур мозга, он пришёл к выводу, что ключевым является не приобретение беспомощности, а, наоборот, обучение контролю над ситуацией. Беспомощность, по его мнению, представляет собой изначальное, базовое состояние организма. Уверенность и активность формируются по мере развития личности и освоения идеи о возможности влиять на окружающий мир.

Впоследствии Селигман признал корректность выводов коллеги. Исследования показывают, что пассивность и подчинённость являются врождёнными реакциями. Преодоление этих состояний связано с работой медиальной префронтальной коры, отвечающей за принятие решений и ощущение контроля.

Таким образом, и животные, и люди рождаются беспомощными, но в процессе обучения и жизненного опыта могут приобрести навыки саморегуляции и уверенности. Эксперименты Селигмана и Майера, начавшиеся как исследование страха, в конечном итоге стали основой новой парадигмы, утверждающей важность формирования чувства контроля как основы психологической устойчивости.

И здесь возникает тревожная параллель. Если присмотреться, то современная система образования во многом воспроизводит условия описанного выше эксперимента: учит детей терпеть стресс и не учит из стрессовых ситуаций выходить. И терпение, здесь – это ещё не самый плохой сценарий, потому что когда стресс начинает выплёскиваться во внешнюю среду, то выплёскивается он обычно на тех, кто слабее, младше, наиболее уязвим или отличается от остальных.

Начиная с этого, в детских умах зарождается концепция несправедливости нашего мира, с которой их не учат бороться, а следовательно, они учатся принимать её как данность и безысходность. Учатся подстраиваться под обстоятельства, но не контролировать их или преобразовывать. Считаться с детским мнением взрослый мир намерения не имеет, подходя к ситуации с позиции «ты ещё слишком мал иметь собственное мнение, здесь мы за тебя всё решаем». Подобные проекции, впитанные с самого детства и затем мы несём их на протяжении всей жизни. Они становятся внутренним голосом, который шепчет становится внутренним голосом на всю жизнь – голосом, который шепчет «ты бессилен, не дергайся, просто выполняй».

Сформулировать ключевые проблемы современного школьного образования:

- Устаревшие учебные программы, не соответствующие требованиям XXI века, таким как, например, критическое мышление, медиаграмотность, работа с информацией.

- Недостаток индивидуального подхода. Стандартизированное обучение не учитывает разнообразие потребностей и способностей учеников.
- Перегрузка учеников и учителей. Избыточный объем учебного материала и бюрократические требования приводят к стрессу и выгоранию.
- Социально-эмоциональные проблемы. Рост буллинга и недостаток программ по развитию эмоционального интеллекта мешают полноценному обучению.
- Отсутствие мотивации и связи образования с реальной жизнью снижает интерес к учебе.

Одна из наших самых важных социальных обязанностей – это дать детям адекватное воспитание и образование. Но мы эту обязанность откровенно не выполняем. Чему может научиться ребёнок, вырастающий во всём окружающем нас бардаке? Он может научиться только его копировать. Больше-то ориентироваться не на что. Если нас никогда не учили что-либо менять, и мы уже с имеющимся положением дел окончательно смирились, то наша социальная обязанность – вдохновить на перемены хотя бы собственных детей и дать им для этого все необходимые инструменты.

ГЛАВА 2: СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕКОРАЦИИ

Что такое социальные нормы? По сути это декорации. Декорации созданные людьми, в которых мы с детства учимся ориентироваться. Но вот часто ли мы задумываемся о том, что происходит за их пределами? Какие закономерности работают за ширмой? Ведь всё, что происходит здесь и сейчас, это следствие закулисных закономерностей. Восприятие реальности очень сильно зависит от имеющегося у нас опыта и от того, в каких контекстах мы о ней (реальности) думаем. Откуда мы получаем информацию? Какого эта информация качества? Из каких источников мы черпаем большую часть нашего жизненного опыта?

В процессе социализации нас всех без особого спроса просто сажают в условную вагонетку и пускают по рельсам социальных норм, социальных правил, социальных ориентиров. Всё что мы видим и воспринимаем на пути следования – это декорации, которые мозг впитывает и фиксирует. На них же он и учится понимать реальность. А что именно происходит за декорациями – среднестатистическому человеку знать необязательно. Там ничего не происходит. Да и вовсе нет никаких декораций. Не перегружайте свои ум. Здесь уже всё организовано. Пользуйтесь и не выдумывайте лишнего. Другой реальности у нас для вас нет.

Примерно так могла бы звучать современная версия «Платоновой пещеры», когда скованные своими собственными убеждениями люди видят лишь тени окружающей их действительности и не понимают их истинную природу.

Иллюзия объективности – это когнитивное искажение, при котором человек считает свои суждения и восприятие абсолютно беспристрастными, основанными только на фактах, хотя на самом деле они сформированы личным опытом, предубеждениями и предпочтениями, и мы склонны игнорировать информацию, противоречащую личным убеждениям. Естественным образом мы будем создавать свой круг общения с такими людьми, кто разделяет нашу картину мира и отсеивать всех с кем взгляды сильно расходятся. Иллюзия собственной непредвзятости искажает оценку реальности, влияя на решения и отношения. Мы искренне считаем, что видим мир «таким, какой он есть», хотя видим сильно отфильтрованную версию реальности, удобную для поддержания статус-кво.

Если нас в чём-то обманут, то будет ли наша реальность относительного этого обмана объективной? Разумеется, нет. Она будет искажённой. Примерно также дела обстоят и с социальными декорациями. Все они суть иллюзия. Выдумка. Искусственная конструкция. То, что мы называем «объективной реальностью» далеко не всегда таковой является. Разумеется, сам факт любого события является объективно произошедшим, но то, что мы способны событию предписывать может вообще не иметь ничего общего с объективностью.

Очень часто мы её интерпретируем реальность так, как нам привычно. В той форме, в которой она нам кажется наиболее целостной и непротиворечивой. Это одна из особенностей восприятия – стремиться создавать целостность даже там, где её нет, при необходимости вытесняя всё «лишнее».

Очень часто в своих собственных убеждениях мы почти ничего не решаем. Мы просто принимаем за истину результат работы своего восприятия, в то время как восприятие перманентно цепляется за социальные декорации просто потому, что в нашем информационном

пространстве ему цепляться больше не за что. Многие из нас ничего кроме этих декораций не знают. Так настоящие ли они? Или мы сами себя убедили в их объективности?

Здесь следует сделать важный акцент: **социальная реальность и объективная реальность – это не одно и то же.**

Да, условия, в которых мы живём, существуют и все наши реакции в этих условиях подлинны. Но объективной реальности в них примерно столько же, сколько в искусственно созданном лабиринте. Для одних существование внутри лабиринта – это правила жизни. Для других – всего лишь контролируемый и наблюдаемый эксперимент, где различие между «правилами жизни» и «экспериментом» определяется позицией наблюдателя. Тот, кто внутри, вынужден придавать правилам онтологический вес, а тот, кто снаружи, может позволить себе манипулировать самой онтологией лабиринта, переопределять рамки, задавать правила интерпретаций.

И чему следует придать отдельное значение – выход из лабиринта системой не предусмотрен, а стены его сотканы из давно сформировавшихся идей. Каждый, кто подвергает их сомнению – враг, еретик, предатель. Кто наполняет наш мир идеями? Какого эти идеи качества?

- Русский мир – [?]
- Американская мечта – [?]
- Светлое будущее – [?]
- Поднятие с колен – [?]
- Возрождение величия – [?]

У этих идей есть конкретика? Нет. Есть лишь фантомные образы в людских головах связывающие всё с благим намерением. В действительности же под [?] можно вписать что захочется. Именно этим такие формулировки и удобны. Просто подставь нужное.

У мировой общественности нет единой цели. Ни один народ не знает, чего он подлинно хочет и куда стремится. Вот сильные мира сего и говорят нам, чего мы хотим. Побойсь утверждать, что это касается абсолютно всех. Наверняка некоторые и хотели бы помочь, но сами плохо понимают чем и как. Простое вливание денег в ту или иную проблемную область ещё не факт, что что-то действительно изменит. Люди от этого сознательнее не станут и декорации не исчезнут. Мы буквально живём в губительной среде и чтобы попытаться найти из неё выход, нам необходимо хотя бы в общих чертах понять исходя из каких закономерностей социальная реальность формируется. Нюансов может существовать огромное количество, но сами концепции между собой очень схожи. Рассмотрим одну из них (усреднённую):

Чего действительно опасается любая власть, так это вооружённой революции. Во избежание развития нежелательного сценария госаппарат стремится установить контроль над поведением населения. Задача: подавить / не допустить революционные настроения ещё на стадии их зачатия любыми возможными средствами.

- поддерживать n-ый уровень довольства населения, финансировать общественные программы и повышать социальный уровень жизни.
- повсеместно нагнетать n-ый уровень страха, щедро спонсировать силовые структуры.

- воспитывать идеи национализма и патриотизма в умах граждан, начиная с детского возраста.

Возникающие в общественной среде проблемы иной раз решаются не столько в порядке своей важности, сколько с оглядкой на реакцию населения относительно тех или иных событий. Для государства народ – это всего лишь цифры в графиках статистических данных. Чем меньше гражданских волнений в них отражено, тем стабильнее ситуация в стране, а на чём зиждется эта стабильность – на довольстве или терпении – значения не имеет. Меняется только инструмент воздействия.

Перед лицом государства нет частных, личностей и индивидуальностей. Есть общественная масса, которой можно (а следовательно и нужно) управлять. Любое управление будет осуществляться проще и эффективнее, когда социум думает и действует как единый и, что очень важно, предсказуемый организм. А каким способом можно гарантировать предсказуемость? Дрессировкой. Кнутом и пряником. Это называется оперантное обусловливание. Те же деньги, например, – очень удобный воспитательный инструмент. И желательно, чтобы у основной массы населения их не было слишком много, а ещё лучше – перманентно не хватало: если целыми днями бегать за морковкой, то не останется ни времени, ни желания думать о «всякой ерунде». Иной раз нет даже времени заниматься собственными детьми, что лишний раз подталкивает доверить эту задачу государству. Отсюда и начинается процесс институализации.

Как нам «лучше» жить и как «правильно» думать решает государственный аппарат посредством создания соответствующих условий и противостоять социальному течению даже на личном внутреннем уровне может быть очень не просто. Сегодняшнее мироустройство выгодно преимущественно власти имущим и только у них есть реальная возможность лоббировать личные (зачастую эгоистичные) интересы. Всем остальным остаётся только под эти интересы подстраиваться. Адаптироваться. Хотя здесь вернее будет сказать – деформироваться. Деформироваться под навязанные правила игры. В конечном итоге, исходя из таких деформаций, и складывается общественное мировоззрение.

Смена правящей партии может быть полезна только на короткой дистанции (что и лежит в основе демократии), но сам вектор эволюции такого государственного аппарата остаётся потенциально проблемным. Центральный орган власти всегда, при любых обстоятельствах, в первую очередь направлен на сохранность собственной целостности. И любая цена приемлема. Это не значит, что все политики моральные инвалиды, желающие только крови и господства. Это значит, что все управленческие механизмы уже давно отработаны (система сама отбирает и поощряет тех, кто лучше всего обеспечивает её выживание). А если не меняется механизм, то не будут меняться и последствия его работы.

Про такие механизмы писал ещё Никколо Макиавелли в своей работе «Государь». В ней он ставит прагматизм и приоритет сохранения власти и стабильности над моральными идеалами. Отвергая мораль и идеалистические представления о правлении, Макиавелли утверждает, что правитель должен действовать, исходя из обстоятельств, используя любые средства, – включая обман, жестокость, нарушение обещаний, – если это укрепляет государство. Для обеспечения повиновения Макиавелли считает страх более надёжным инструментом, чем любовь, но при этом правитель всё равно должен поддерживать образ добродетельного и справедливого лидера, даже если действия его аморальны. Для предотвращения внутренних раздоров лучше всего устранять соперников и сплачивать народ вокруг общей цели, такой как внешний враг или национальная идея. Если приходится совершать жестокие поступки, то дей-

ствовать надо быстро, чтобы минимизировать общественное недовольство. А благодеяния, наоборот, не должны быть ни частыми, ни крупными – их необходимо мелкими порциями растягивать во времени для создания иллюзии длительного благополучия. Подобные политические модели вполне способны работать до сих пор. Из них и строятся социальные декорации. Существует два способа их покинуть:

Первый – это деньги. Много денег. Чем больше денег, тем больше свободы и тем меньшее влияние декораций будет на себе ощущать индивид. А подкрепив своё положение властью, он сможет их натурально создавать. Диктовать людям, как им жить и что делать. Сильные мира сего действительно имеют возможность (а многие и желание) смотреть на общество, как на стадо, и им нет смысла что-то серьёзно менять в нашей социальной организации. Зачем? Они уж из декораций выбрались. Они уже над ними. А что там за суета внизу происходит? Ну происходит и происходит. Как будто когда-то было иначе. Почему подобное отношение к людям не должно стоять на потоке, если совершенно ничего этому не препятствует? Такая модель восприятия действительно существует, и при нынешних обстоятельствах в её динамике очень сложно что-либо изменить.

Второй – это, прежде всего, осознать, что декорации существуют и большинство из того, что мы знаем, мы знаем, исходя из их контекста. Они являются горизонтом нашей мысли и областью выученной беспомощности. Данное положение дел можно сравнить с ямой, откуда мы способны видеть только то, что нам хотят показать. Выбираться из неё – это огромный труд, но если общество хочет перемен, его необходимо проделать.

ГЛАВА 3: ОШИБКИ

Что такое ошибка? Можно сказать, что ошибка – это решение, действие или бездействие, в конечном итоге приводящее к нежелательному результату. Однако, при ближайшем рассмотрении эта формулировка оказывается слишком упрощённой. Иногда, даже делая всё верно, мы не достигаем цели. А порой, напротив, всё может идти из рук вон плохо, но результат всё равно оказывается приемлемым. К тому же, здесь возникает вопрос: что вообще считать конечным итогом? Даже череда видимых успехов в результате может привести к катастрофе, а та, в свою очередь, способна стать бесценным опытом, который поможет расправить крылья.

Об ошибках легко говорить в моменте, когда действия или процессы являются краткосрочными, и их результаты быстро становятся очевидными. Однако, если событие сильно растянуто во времени, оценить его ошибочность становится значительно сложнее: последствия проявляются фрагментарно, причинно-следственные связи разветвляются, а разные наблюдатели фиксируют разные локальные состояния системы. В этом смысле такие процессы приближаются к тому, что можно охарактеризовать как гиперобъект (концепция предложенная философом Тимоти Мортонем) – явление, которое выходит за границы нашей когнитивной предрасположенности и не может быть охвачено целиком в одном моменте или исходя из одной точки зрения.

Гиперобъекты настолько масштабны во времени и пространстве, что ускользают от непосредственного восприятия и однородной оценки. К ним относятся, например, изменения климата, глобальные экономические процессы, технологические сдвиги, культурные трансформации, развитие цивилизации. Они «растекаются» во времени и способны переживать отдельных наблюдателей. Ошибка внутри гиперобъекта может быть не единичным действием, а свойством всей системы, которое проявляется только на определённых этапах её развития. Здесь уже речь не о том, что люди ошибаются, а что сама система воспроизводит нежелательные состояния, даже когда отдельные её представители действуют разумно.

Приведу очень упрощённый пример: один человек берёт со стола объект и говорит: «эта вещь красная». Другой ему возражает: «нет, она круглая». Третий же называет её: «твёрдой и вкусной». В сумасшедшем мире возникшее «противоречие» вполне могло бы послужить поводом для очень серьёзного конфликта, при том, что никто из участников не допустил ошибку в описании яблока. То есть, иной раз чтобы увидеть целое, нужно не просто больше данных (их уже достаточно) – нужно другое качество внимания.

Что мы можем сейчас сказать наверняка: объективная реальность не совершает ошибок. Она всегда последовательна и закономерна.

Ошибка – это несоответствие между моделью и реальностью. Ошибка – это обратная связь от системы, говорящая о том, что наши инструменты взаимодействия не точны или вовсе устарели. И если возникает каскад социальных или личных проблем, то ошибки следует искать прежде всего в наших решениях, установках, моделях мышления, описаниях мира, а также (что очень важно) в той системе, внутри которой существует общество. Мы с ней являемся единым гиперобъектом.

Проще всего для восприятия представить себе нашу социальную систему как часовой механизм (или единый социальный организм): шестерёнки крутятся – что-то происходит.

- Опасность экологической катастрофы.
- Культ потребления.
- Конфликт поколений.
- Повсеместные депрессии.
- Проблема кризиса среднего возраста.
- Гендерный и расовый конфликты.
- Ежедневный стресс.
- Регулярные случаи суицида среди подростков.
- Кризис переходного возраста.

(список не полный)

Так выглядит результат работы нашего социального механизма. Отсюда вытекает вопрос: действительно ли наше взаимодействие с реальностью является рациональным или это следствие ошибок, которые мы продолжаем совершать каждый день? И что вообще в сложившихся условиях следует считать рациональным поведением?

«Понятия “разум” и “рациональный” обычно имеют отношение к процессам мышления; под “рациональным” мышлением обычно подразумевается такой процесс, который подчиняется законам логики и неподвластен искажениям со стороны аффектов, эмоций или каких-либо патологических состояний субъекта. Однако слова “рациональный” и “иррациональный” нередко употребляются еще и по отношению к чувствам и поступкам. Так, например, экономист может назвать “нерациональным” ради экономии рабочих рук вводить в производство дорогостоящую технику в такой стране, в которой налицо избыток неквалифицированной рабочей силы (хотя и не хватает рабочих с высокой квалификацией).

Я предлагаю называть рациональными любые мысли, чувства или действия, которые способствуют адекватному функционированию и росту целостной системы (частью которой они являются), а все, что имеет тенденцию к ослаблению или разрушению целого, считать иррациональным. Совершенно очевидно, что только эмпирический анализ всей системы сможет показать, что в ней является рациональным, а что – нет».

– Эрих Фромм

Стремится ли наша социальная система (как единый организм) к целостности? Перечитывая список вышеописанных проблем едва ли можно сказать, что они служат на благо системы. Грубо говоря – наша социальная система сломана. А если точнее – она даже никогда не была собрана под решение тех задач, которые перед ней сегодня стоят. Да, возможно, не наше поколение её такой создало, но наше поколение её такой приняло и продолжает поддерживать.

Основываясь на размышлениях Фромма, можно сделать вывод, что система, в которой мы существуем сегодня – иррациональна. В лучшем случае, её можно назвать рациональной только относительно самой себя, и только если смотреть на неё изнутри. Почему же у нас создаётся иллюзия рациональности такой системы? Прежде всего, именно потому, что мы смотрим на неё только изнутри и нам сложно адекватно оценить все её неисправности. Мы в ней родились и выросли. Нас в ней обучили и воспитали. Другой системы мы никогда не знали и нам не с чем сравнивать. Это и служит фундаментом многих социальных заблуждений.

Почему система именно такая? Обычно на это отвечают: «так исторически сложилось». Вот только подобное утверждение слишком шаткое – наши предки далеко не всегда поступали правильно, и очень может быть, что сегодня мы пожинаем плоды их ошибок.

Скажите, справедлива ли следующая логическая последовательность:

Я – слон.

Все слоны розовые.

Значит ли это, что я розовый?

Если рассуждать логически, то ответ будет: «да, всё верно». Вот только я не слон. Самое первое утверждение в этой цепочке уже ложно. Ровно как и второе. Что приводит нас к ложноположительному ответу. Перед любым человеком социум ставит задачу, по мере решения которой каждый из нас, в силу своих талантов и интересов, приобретает необходимые для решения задачи навыки и способности. То есть, любой человек сейчас находится в той точке своей жизни, куда его привело рациональное взаимодействие с системой, и если нас в этой точке всё устраивает, следовательно, задача решена верно. Так ведь? Но что если сами условия поставленной перед нами задачи были ложные?

Давайте представим себе ситуацию: на столе лежит карта мира. За столом сидит некоторое количество игроков. Я высыпаю на стол из коробки n -ое количество элементов мозаики, называю их фишками и предлагаю сыграть в игру на манер монополии. Правила будем придумывать на ходу. Создадим «здоровую» конкуренцию. У кого больше фишек, тот и доминирует. Прогоним через этот бардак несколько поколений игроков, и уже никто даже и не подумает о том, что самый значимый элемент игры я оставил себе. А именно, коробку, на которой изображена общая картина. Причём, до некоторых людей время от времени доходит, что правила предложенной им игры искалечены, и они начинают играть по правилам изначальным – собирать общую картину по мере своих знаний, интересов и возможностей (как правило, игнорируя всё то, что интересным и важным для них не является, что также является проблемой), а затем – давать свои интерпретации на то, что у них получилось собрать. Сюда отлично подходит метафора про то, как четыре слепца пытаются описать слона: один трогает хобот, другой ногу, третий хвост, четвёртый ухо и все они никак не могут прийти к единому мнению. На том месте, где должна рождаться общая картина, возникает пространство для конфликта (точно как вышеописанном примере с яблоком). В нашем же случае всё ещё усложнено и тем, что эти четыре слепца говорят на разных языках:

- Наука – язык теорий, фактов и конкретики (но даже она, проделов огромной путь, не раз описывала ложные картины мира).
- Психология – язык допущений, наблюдений, интерпретаций, договоренностей, когнитивных искажений.
- Социология – статистика, корреляции (нередко ложные).
- Религия, философия (да простят меня сейчас философы за обобщение) – это в некотором смысле языки иносказательности, личного опыта, личных переживаний, наблюдений, размышлений, что и роднит эти сферы с творчеством (многие сказки, например, скрывают за собой весомый философский подтекст).

Мы привыкли думать, что знание – это нейтральное отражение реальности. Но на деле каждый из нас воспринимает мир через призму уже существующих убеждений, языков, культурных кодов и когнитивных ограничений. Это не просто «субъективность» – это системная эпистемологическая слепота, мешающая нам увидеть целое, даже когда оно находится прямо перед нашим носом.

Всё, что мы сейчас знаем о мире – это наша интерпретация реальности. Наша интерпретация общества. Мы всё ещё в пути, и это следует брать во внимание. В наших стремлениях познать мир мы разбираем его на части (анализируем и редуцируем), а затем у нас появляются определённые проблемы с синтезом той информации, которую в конечном итоге удалось собрать. Причём, не всегда может быть очевидно, что проблемы вообще есть. Они ускользают от нашего восприятия, например, в междисциплинарную область, где для понимания общей картины необходимы дополнительные профильные компетенции.

Как пример: представим, что у нас есть самолёт. Чтобы понять, как он работает, нам необходимо разобрать его до винтика, но мало того, после этого ещё необходимо суметь правильно собрать его обратно. Нашу же ситуацию дополнительно усложняет то, что, по сути, мы просто находимся в ангаре с деталями и даже не до конца понимаем, что именно из них необходимо собрать и как точно собранное должно работать. Мы неправильно интерпретируем предназначение деталей, при помощи молотка вбиваем их в те места, где им быть не положено, часть игнорируем за «ненужностью», крепим крылья вверх ногами – самолёт не летит. На этом моменте могут возникнуть следующие вопросы:

1. Что мы делаем неправильно?
2. Должно ли оно вообще летать?

В первом случае необходимо пересматривать всю имеющуюся социальную модель взаимодействий. А во втором – можно оставить как есть. Сказать себе, что идеальным мир всё равно быть не может; идеальное – значит недостижимое; а то, что недостижимо теряет ценность, интерес и мотивацию к нему тянуться.

Политика, экономика, социология, психология etc – это всё детали, из которых мы пытаемся собрать здоровый социум. Но что-то здоровым он не получается и лететь не хочет. Может, как-то неправильно собрали? Вроде, по-разному уже пробовали – всё разваливается. Вот на этом моменте стоит усомниться не только в качестве сборки (она очевидно дефектная, здесь и сомневаться нечего), но и в качестве деталей, из которых мы пытаемся наш социум собрать. В качестве образовательной системы, в качестве политических идеологий, в качестве экономических моделей, в адекватности принципов распределения ресурсов и так далее. В конце концов, в качестве и адекватности алгоритмов работы нашего выработанного в системе мышления.

Но и это не единственная трудность. Глобально перед нами даже не стоит такой задачи, как здоровый социум собрать. С решением локальных проблем мы ещё худо-бедно справляемся, но как правило этим всё и ограничивается. Здесь просто оптимизируются банальные метрики – прибыль, рост, эффективность, идентичность, безопасность, но не имеется согласия в том, что считать здоровьем целого.

Дополнительной палкой в колёса является то, что мы живём в среде эволюционного несоответствия. Человек – существо социальное. Пока мы находились внутри своего племени или

общины, у нас были определённые гарантии стабильности и надёжности, которые обеспечивала сплочённость и взаимовыручка. Но сегодня человечество живём в мире, где этот адаптивный механизм просто развалился. Да, технически мы до сих пор существуем общинами в многомиллионных городах, но всё это миллионы совершенно чужих случайных людей, которые скорее нервы испортят, чем реальную помощь окажут. Общество просто перестало быть дружным, сплочённым, надёжным, что приводит к его атомизации.

Отпал очень важный алгоритм нашего условного эволюционного кода. Все остальные эволюционные механизмы нашей естественной природы стараются под это адаптироваться, перестроиться, чем-то компенсировать, но в процессе люди могут просто сходить с ума.

Развивающаяся же на этом фоне стрессоустойчивость лишь усугубляет ситуацию. Психика среднестатистического человека если не кричит о помощи, то начинает вырабатывает «анестезию» к реальным проблемам вместо чувствительности к ним. Это классический механизм адаптации. Если угроза хроническая, мозг может перестаёт её распознавать. Вместо того, чтобы адекватно анализировать ситуацию и качественно обдумывать возможные выходы из огромного социального разлада, психика «прячется» от него освобождая пространство для прогрессирования внешних проблем, одновременно с этим открывая возможность беспрепятственного паразитирования разномастным недобросовестным индивидам, которые могут (и будут) открыто или косвенно препятствовать поиску решений, так как приспособились не только комфортно чувствовать себя в сложившихся обстоятельствах, но и извлекать из них выгоду. Паразитизм процветает в том числе потому, что большинство людей уже не может позволить себе роскошь чувствовать, насколько всё плохо. Чувствовать – значит страдать без возможности что-то изменить. Не имея рычагов воздействия и возможности выйти из системы, снижение чувствительности остаётся чуть-ли не единственным способом сохранить функциональность. Поэтому проще просто поверить, что «всё нормально – так и должно быть».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.